

Станюкович Константин Михайлович

В шторм

Константин Михайлович СТАНЮКОВИЧ

В ШТОРМ

Рассказ

Посвящается Наташе

I

- Барин, а барин! Лександра Иваныч! Ваше благородие!

И с этими словами Кириллов, вестовой мичмана Опольева - маленький и приземистый, чернявый молодой матросик, с сережкой в ухе, расставив, для сохранения равновесия, ноги врозь и придерживаясь, чтобы не упасть, одной рукой за косяк двери, - другою слегка дергал ногу мичмана, который крепко и сладко спал в своей маленькой каюте, несмотря на стремительную качку, бросавшую корвет "Сокол", словно мячик, на волнах расшвиравшего Атлантического океана.

В ответ ни звука.

Барин был соня и, по выражению вестового, "вставал трудно".

И Кириллов, хорошо знавший, что его же "заругают", если барин хоть на минуту опоздает на вахту, после паузы снова дергает мичманскую ногу, но уже сильнее и решительней.

- Ваше благородие! Вам на вахту! Лександра Иваныч! Извольте вставать!

- К черту! - раздался сонный окрик из койки.

- Никак невозможно... Лександра Иваныч!

- Я умер! - промычал мичман. - Брысь!

И, отдернув ногу, которую теребил вестовой, Опольев натянул на себя одеяло и повернулся на другой бок, готовый сладко поспать, как сильный продольный размах корвета ударил мичмана лбом о переборку и заставил очнуться.

Он высунул из-под одеяла заспанное, совсем молодое лицо, красивое, нежное и румяное, с пробивающейся светло-русой шелковистой бородкой, девственными усиками и кудрявыми белокурыми волосами, и, щуря свои большие карие глаза, улыбался сонной счастливой улыбкой, как улыбаются дети после хорошего сна, видимо находясь еще во власти чар сновидения, которые унесли его далеко-далеко от действительности.

Ярко-зеленая свежая листва деревенского сада, дышащего ароматом... Пахучие липы, маленькая покосившаяся скамейка под ними с вырезанными именами: "Елена", "Александр". Чудный профиль девушки в белой холстинке... Черные глаза, вдумчивые, нежные, добрые... Выющиеся, славные волосы с веткой сирени в косе... Любящий, полный ласковой грусти

взгляд этой милой, дорогой Леночки, которая слушает восторженно-умилненные речи своего жениха и, вся притихшая, точно боясь спугнуть полноту счастья, жмет своей мягкой и теплой рукой все крепче и крепче руку мичмана, и слезы дрожат на ее ресницах... "Навсегда!" - шепчет она. "Навсегда!" - чуть слышно отвечает он... Они так долго сидят, и вечер, обаятельный и тихий, застал их немymi от радости... Сад точно замер вместе с ними... Ни звука, ни шороха. И загоравшиеся в небе звезды кротко и любовно мигают сверху, словно любуясь молодыми людьми и слушая, как полно бьются их переполненные сердца.

"Леночка! Александр Иванович! Идите пить чай!" - стоит еще в ушах ласковый голос Леночкиной матери.

Все это, напомнившее о себе чудным сном, представляется с ясною дразнящею реальностью. Мозг еще не освободился от впечатлений грез. И молодому моряку хочется, до страсти хочется подолее задержать эти грезы.

Но прошло мгновение, другое - и они исчезли, словно растаяли, как дымок в воздухе.

В полусвете каюты, иллюминатор которой, наглухо задраенный (закрытый), то погружался в пенистую воду океана, то выходил из нее, пропуская сквозь матовое стекло слабый свет утра, Опольев увидел маленькую фигурку своего смышленного, расторопного вестового, который, держась обеими руками, качался вместе с каютой и со всеми находящимися в ней предметами, услышал раздирающий душу скрип корвета, почувствовал отчаянную качку и окончательно пришел в себя.

Счастливая улыбка исчезла с его лица.

- Однако валяет! - промолвил он с серьезным видом, стараясь принять такое положение, чтобы опять не стукнуться.

- Страсть, как раскачало, ваше благородие.

- Скоро восемь?

- Слянка (полчаса) осталась!

- А наверху как?

- Не дай бог! Ревет!

- В ночь, видно, засвежело?

- Точно так, ваше благородие! Ночью фок убрали и четвертый риф взяли. Капитан всю ночь были наверху, - докладывает вестовой.

И, помолчав, молодой матрос, впервые бывший в дальнем плавании, прибавил боязливым и несколько таинственным тоном:

- Даве ребята сказывали на баке, ваше благородие, бытто похоже на то, что штурма настоящая начинается. Ветер так и гудет в снастях... Волна - и не приведи бог какая огромная, Лександра Иванович... Ровно горы катаются...

- Видно, боишься шторма, Кириллов, а?

- Боязно, Лександра Иванович! - простодушно и застенчиво ответил матрос.

- Нечего, брат, бояться. Справимся и со штормом! - авторитетно и с напускной небрежностью заметил молодой офицер, сам еще никогда не испытывавший шторма и втайне начинавший

уже ощущать некоторое беспокойство от этой адской качки, дергавшей и бросавшей корвет во все стороны.

Внизу, в каюте, опасность казалась значительнее.

- Точно так, ваше благородие! - поспешил согласиться и Кириллов более по чувству деликатности перед "добрым баринном" и по долгу дисциплины.

Но невольный страх, который он старался скрыть, все-таки не оставлял молодого матроса.

- Холодно наверху?

- Пронзительно, ваше благородие.

- Дождевик приготовил?

- Готов.

- Ладно. Ну, теперь и вставать пора!

Но прежде чем расстаться с теплой койкой, мичман, снова охваченный набежавшим воспоминанием и в эту минуту особенно сильно пожалевший, что только что бывший сон не действительность, - совсем неожиданно проговорил с невольным вздохом:

- На берегу-то небось лучше жить, Кириллов?

- Что и говорить, Александра Иваныч! - возбужденно отвечал молодой матрос, и лицо его оживилось улыбкой. - На сухопутье не в пример свободней... Одно слово: твердь. А тут, ваше благородие, с души рвет. Будь воля, сейчас бы ушел в деревню...

- Ушел бы? - усмехнулся мичман.

- Точно так, ваше благородие!

"И я бы сейчас уехал туда... в Засижье!" - подумал мичман.

И с невеселой усмешкой сказал вслух:

- Некуда вот только отсюда уйти, Кириллов, а?

- Оно точно, что некуда, ваше благородие. Кругом вода!

- А ты пока, братец, насчет чаю схлопочи. Чтобы горячий был.

- Есть, ваше благородие! Чай готов. Старший офицер уже кушают. Неспособно только пить при такой качке! - прибавил Кириллов и вышел из каюты, чтобы "схлопотать" насчет горячего чая "доброму барину", который очень хорошо обращался с своим вестовым и часто с ним "лясничал" по душе.

Кириллов направился к камбузу, едва удерживаясь на ногах и выписывая мыслете. Встретив там своего приятеля-вестового, такого же молодого матроса, как и он сам, Кириллов, словно подбадривая самого себя и не желая обнаружить своего страха перед приятелем и несколькими бывшими у камбуза матросами, проговорил с напускною шутливостью:

- Ровно, брат, на качелях качает. Совсем ходу ногам не дает!

И не без задора прибавил:

- А ты, Василей, уж и трусу, брат, празднуешь!

- То-то все думается... Как бы... Ишь, буря-то какая! - промолвил бледный от страха и тошноты матрос.

- А ты не думай, Вася!.. Чего бояться? Штурма так штурма. Небось справимся и со штурмой! - хвастливо говорил вестовой, повторяя слова мичмана.

И даже заставил себя засмеяться, хотя сам жестоко трусил.

II

Минут через десять, в течение которых молодому мичману пришлось принять самые невероятные, едва ли известные акробатам позы, чтобы, при совершении туалета, применять законы равновесия тел к собственной своей особе, Опольев, умытый и одетый, вышел из каюты.

В палубе было сыро, душно и пахло скверным, промозглым запахом непроветренного матросского жилья. Все люки были наглухо закрыты, и свежий воздух не проникал. Подвахтенные матросы большею частью сидели или лежали на палубе молчаливые и серьезные, изредка обмениваясь словами насчет "анафемской" погоды. Нескольких укачало. Примостившись у машинного люка, старый матрос Щербаков (он же и "образной", то есть заведующий корветским образом и исполняющий во время треб обязанности дьячка) тихим, монотонным голосом читал евангелие, и около чтеца сидела небольшая кучка матросов, слушавших чтение с напряженным вниманием и не столько понимая смысл славянского текста, сколько восхищаясь певучим, умиленным голосом чтеца и его торжественно-приподнятым тоном.

Ступать по палубе было трудно. Она словно вырывалась из-под ног, и нужно было особое искусство и умение выбирать моменты, чтобы пройти по ней.

Кают-компания, обыкновенно в этот час оживленная сбором офицеров к чаю, теперь почти пуста. Почти все отлеживаются по каютам. Висячая большая лампа над привинченным к палубе обеденным столом раскачивается во все стороны под однообразный скрип переборок. Крепко принаитовленные (привязанные) библиотечный шкаф и фортепиано поскрипывают тоже. Сквозь закрытый стеклянный люк кают-компании доносится глухой гул ревающего ветра. Корвет вздрагивает кормой и всеми своими членами, и это вздрагивание ощущается внизу сильнее. Как-то мрачно и неприветливо в кают-компании, обыкновенно веселой и шумной!

Всегда резвая и забавная Лайка, неказистая на вид рыжая собачонка неизвестной породы, с кургузым хвостом, забежавшая случайно на корвет, когда он готовился к дальнему плаванию в кронштадтской гавани, и с тех пор оставшаяся на корвете под именем Лайки, данным ей матросами, - она теперь, забравшись в угол, по временам жалобно подвывает, беспомощно озираясь мутными глазами и, видимо, недоумевая, как бедняге приспособиться, чтобы не кататься по скользкой клеенке, которой обтянут пол кают-компании. Отсутствует, против обыкновения, и Лайкин приятель Васька, белый жирный кот артиллерийского офицера. Видно, и Ваську укачало.

Одетый в толстое драповое короткое пальто, на диване сидел лишь старший офицер, плотный, здоровый брюнет лет тридцати пяти, загорелый, серьезный и, видимо, возбужденный. Он осторожно держал в своей широкой бронзовой руке, мускулистой и волосатой, стакан с чаем без блюдечка и подносил его к своим густым черным усам, улавливая моменты, когда можно было хлебнуть, не проливши жидкости.

- Доброго здоровья, Алексей Николаич!

- Мое почтение, Александр Иванович!

Придерживаясь за привинченную к полу скамейку около стола, мичман подошел к старшему офицеру, чтобы поздороваться, и чуть было не навалился на него.

- Говорят, за ночь засвежело, Алексей Николаич? - спросил молодой человек, присаживаясь на скамейку около дивана.

- Свежо-с! - коротко отрезал старший офицер.

Он продолжал молча отхлебывать глотками чай, занятый какими-то мыслями, и через минуту проговорил:

- Главное, анафемское волнение! Того и гляди какую-нибудь шлюпку снесет или борт поломает! - озабоченно и сердито продолжал старший офицер и, допив стакан, вышел наверх.

- Эй, вестовые! Скоро ли чаю? - крикнул Опольев, оставшись один.

Но уже стриженная черная четырехугольная голова Кириллова показалась в дверях кают-компании, и вслед за тем он стремительно сделал шага два вперед, брошенный качкой, но, однако, успел удержаться и сохранить в руках стакан с чаем, обернутый салфеткой. Сзади его другой вестовой нес сахарницу и корзинку с сухарями. Все было донесено благополучно, и Опольев, жадно выпив один стакан, спросил другой.

В эту минуту в кают-компанию спустился сверху, чтобы "начерно" выпить стаканчик горячего чая, старший штурман, старый низенький человечек в блестящем каплями кожане, одетом поверх пальто, с обмотанным вокруг шеи шарфом и с надвинутой на лоб фуражкой. Все на нем было старенькое, потасканное, обтрепанное, но все сидело как-то необыкновенно ловко, придавая всей его фигуре вид старого морского волка.

Несмотря на порывистую качку, он ступал по палубе своими привычными цепкими морскими ногами, не держась ни за что, то балансируя, то вдруг приседая, - словом, принимая самые разнообразные положения, соответственно направлению качающегося судна.

Заметив по выражению красного, морщинистого лица старика, что он не в дурном расположении духа, в каком он бывал, когда ему слишком надоедали расспросами или когда корвет плыл вблизи опасных мест, а старый штурман не был уверен в точности счисления, - молодой мичман, после обмена приветствий, спросил:

- Как дела наверху, Иван Иванович?

- Сами увидите, батюшка, какие дела... Вы ведь, видно, на вахту, что такая ранняя птичка сегодня! - пошутил старик. - Дела-с обыкновенные на море! - прибавил он, аппетитно прихлебывая поданный ему чай, в который он влил несколько коньяку, "для вкуса", как обыкновенно говорил штурман.

- Где мы теперь находимся, Иван Иванович?

- А на параллели Бискайского залива, во ста милях от берега. Ну-ка еще стакашку! - крикнул старый штурман вестовому... - Да и коньяку не забудь! Приятный вкус чаю придает! - прибавил он, снова обращаясь к молодому человеку. - Попробовали бы... И от качки полезно... Что, вас не размотало?

- Нисколько! - похвастал мичман.

- Вначале всякого разматывает, пока не обтерпишься... А есть люди, что никогда не

привыкают... Помню: служил я с одним таким лейтенантом... С пути должен был, бедняга, вернуться в Россию.

- К вечеру, я думаю, и стихнет? - спрашивал Опольев, стараясь придать своему голосу тон полнейшего равнодушия, точно ему было все равно стихнет или не стихнет.

Иван Иваныч в ответ усмехнулся.

- Стихнет-с? - переспросил он.

- А разве нет?

- К вечеру, я полагаю, настоящая штормяга будет. Барометр шибко падает.

Старый штурман, перенесший на своем долгом веку немало штормов и раз даже испытанный крушение на парусной шкуне у берегов Камчатки, проговорил эти слова таким спокойным тоном, точно дело шло о самой обыкновенной вещи, и, отхлебнув несколько глотков чаю с коньяком, крикнул от удовольствия и прибавил:

- Теперь вот и кашель душить не будет... А то стоял наверху и все кашлял... Эй, Васильев! - крикнул он.

Явился вестовой.

- Плесни-ка еще чуть-чуть коньячку... Стоп - так! Мокроту разгоняет! - снова прибавил как бы в оправданье старый штурман, любивший так и свои и чужие болезни специально коньяком и в некоторых случаях хересом и марсолой.

Других вин старик не признавал и особенно презирал шампанское, называя его "дамским полосканьем".

- Так вы полагаете, Иван Иваныч, что шторм? - небрежно переспросил Опольев и в то же время покраснел, чувствуя, что голос его дрогнул, и воображая, что штурман заметил его страх.

- Обязательно! Форменный, батюшка, штормяга! Уж такая это подлая Бискайка*. Сколько раз я ее ни проходил, всегда, шельма, угостит штормиком! Да-с.

* Бискайский залив. - П р и м. а в т о р а.

Старик с видимым наслаждением допил стакан, нахлобучил фуражку и ушел.

Одольев взглянул на кают-компанейские часы: до восьми часов оставалось еще пять минут. Он допил чай, надел при помощи Кириллова дождевик и с первым ударом колокола, начинавшего отбивать восемь склянок, поднялся по трапу наверх, возбужденный и взволнованный в ожидании "первого шторма" в своей жизни, и снова на мгновение вспомнил о кудрявом деревенском саде, о Леночке с ее чернеющей родинкой на румяной щеке, с ее славными глазами...

"Как т а м хорошо, а здесь..." - пронеслось в голове молодого моряка.

Он вышел на палубу и сразу очутился в иной атмосфере.

Его охватил резкий холодный ветер и обдало водяной пылью. Он услышал характерный вой ветра в снастях и рангоуте, увидел бушующий седой океан, и мысли его мгновенно приняли другое направление - морское.

И он принял равнодушный вид и молодежато поднялся на мостик, точно сам черт ему не брат и штормы для него привычное дело.

III

Несмотря на жгучее чувство страха, охватившее в первый момент молодого мичмана, величественное зрелище бушующего океана невольно приковало его глаза, наполнив душу каким-то безотчетным благоговейным смирением и покорным сознанием слабости "царя природы" перед этим грозным величием стихийной силы.

Вокруг, на видимое глазом пространство, океан словно весь кипел в белой пене, представляя собой взрытую холмистую поверхность волн, несущихся, казалось, с бешеной силой и с шумом разбивающихся одна о другую своими седыми гребнями. Но кажущиеся вдали небольшими холмами, эти валы вблизи преобразуются в высокие водяные горы, среди которых, то опускаясь в ложину, образуемую двумя валами, то поднимаясь на гребень, идет маленький черный корвет* со своими почти оголенными мачтами, со спущенными стеньгами**, встречая приближение шторма в бейдевинд***, под марселями**** в четыре рифа*****.

* К о р в е т - старинное трехмачтовое военное судно с открытой батареей.

** С т е н ь г а - брус, являющийся продолжением мачты.

*** Б е й д е в и н д - направление движения корабля, самое близкое к линии ветра.

**** М а р с е л ь - большой прямой парус, второй снизу.

***** Р и ф - приспособление, при помощи которого можно изменить площадь парусности. Взять рифы - убавлять паруса.

Раскачиваясь и вперед и назад, и вправо и влево, корвет, поднимаясь на волну, разрезает ее и иногда зарывается в ней носом, и часть волны попадает на бак, а другая бешено разбивается о бок судна, рассыпаясь алмазными брызгами. Изредка корвет черпает бортом, и тогда верхушки волн вкатываются на палубу, выливаясь через противоположный борт в шпигаты.

Вот-вот настигает громадный вал... Вон он за опустившейся кормой, высоко над нею и, кажется, сейчас обрушится и зальет этот корвет, кажущийся теперь крохотной скорлупкой, зальет со всеми двумястами его обитателями без всякого следа... Но в это мгновение нос корвета уже спускается с другого вала, корма поднялась высоко и страшный задний вал с гулом разбивается об нее и снова опускает корму.

Все небо заволочло темными кучевыми облаками, которые бешено несутся в одном направлении. Мгновенно покажется солнце, обдаст блеском седой океан и вновь скроется под тучами. Ветер ревет, срывая по пути верхушки волн, рассыпающихся серебристой пылью, и воет в рангоуте, в снастях, потрясает их, точно негодуя, что встретил препятствие...

Вахтенные матросы в своих просмоленных парусинных пальтишках, надетых поверх синих фланелевых рубаш, держатся за снасти. Все молчаливы и серьезны. Ни шуток, ни смеха. Когда волна обдаст брызгами, они, словно утки, отряхиваются от воды и снова смотрят то на

океан, то на мостик.

Там, словно прикованный, стоит, широко расставив ноги, пожилой капитан, держась руками за поручни. Он, по-видимому, спокоен и посматривает то на горизонт, то на паруса. Он не спал целую ночь. Его лицо, обветрившееся, утомленное и сосредоточенное, кажется старше от бессонной ночи. Он собирается отдохнуть часок-другой, но, прежде чем спуститься к себе в каюту, решил при себе убрать марсели, чтобы встретить шторм с меньшею площадью парусности, под штормовыми парусами.

И он приказал Опольеву резким, сильным голосом:

- Уберите марсели и поставьте зарифленные триселя*, штормовую бизань** и фор-стенги-стаксель***!

* Т р и с е л ь - вид паруса.

** Б и з а н ь - парус на задней мачте (бизань-мачте).

*** С т а к с е л ь - косой треугольный парус. С т е н ь г а брус, являющийся продолжением мачты.

- Есть! - отвечал мичман и, приставив ко рту рупор, крикнул:

- Марселя крепить! Марсовые к вантам!

И когда марсовые матросы подошли к вантам, продолжал:

- По марсам!

Крепко держась руками за вантины, матросы тихо и осторожно полезли по веревочной лестнице и, достигнув марсов, расползлись по стремительно качающимся реям. У молодого офицера замер дух при виде этих маленьких человеческих фигур на высоте, раскачивающихся вместе с реями и крепивших паруса при таком адском ветре. Ему все казалось, что кто-нибудь да сорвется и упадет за борт. И он не спускал с рей испуганных глаз. И капитан и старший офицер тоже не спускали глаз. Видно, и их беспокоила та же мысль.

Но матросы цепко держались и ногами и руками. Держась одной рукой за рею, каждый другой убирал мякоть паруса, и, когда все было окончено, Опольев с облегченным сердцем скомандовал:

- Марсовые, вниз!

Затем были поставлены штормовые паруса, и капитан сказал Опольеву своим обычным повелительным тоном:

- Если что случится, дать знать... Да на руле не зевать! - крикнул он, чтобы слышали рулевые.

И ушел отдохнуть. Наверху, кроме вахтенного Опольева, остался старший офицер.

К концу вахты молодой мичман уже свыкся с положением, и буря уж не так пугала его. И когда в полдень он сменился и спустился в кают-компанию, то вошел туда с горделивым видом человека, побывавшего в переделке. Но на его горделивый вид никто не обратил внимания.

По случаю погоды "варки" не было, и обед состоял из холодных блюд: ветчины и разных консервов. Обедали в кают-компании с деревянной сеткой, укрепленной поверх стола, в гнездах которой стояли приборы, лежали обернутые в салфетки бутылки и т. п. Вестовые с трудом обносили блюда, еле держась на ногах от качки. Обед прошел скоро и молчаливо. Обычных шумных разговоров и шуток не было, да и аппетит у многих был плохой. Один только старый штурман ел, по обыкновению, за двоих и выпил обычную свою порцию за обедом - бутылку марсалы.

После обеда все разошлись по каютам.

IV

К ночи ветер достиг степени шторма.

Опольев, совсем одетый, дремавший у себя в койке, внезапно проснулся от какого-то страшного грохота. Очнувшись, он увидел, что вся его каюта озарена светом молнии. Затем снова мрак и снова раскаты грома над головой.

Он ощупью нашел двери каюты и вышел в жилую палубу, едва держась на ногах. Корвет положительно метало во все стороны. В палубе никто не спал. Матросские койки висели пустые. Бледные и испуганные, сидели подвахтенные матросы кучками и жались друг к другу, словно бараны. Многие громко вздыхали, шептали молитвы и крестились. При слабом свете качающихся фонарей эта толпа испуганных людей производила тяжелое, угнетающее впечатление. Кто-то, громко охая, проговорил, что "пора, братцы, надевать чистые рубахи"*.

* Перед крушением у русских матросов есть обычай надевать чистые рубахи. - П р и м. а в т о р а.

Но в ту же минуту раздалась энергичная ругань боцмана, вслед за которой тот же сиплый басок боцмана проговорил:

- Ты у меня поговори!.. Смущай людей! Я тебе задам рубахи! А еще матросы!

И снова посыпалась звучная ругань, успокоившая испуганных людей.

Как и утром, образной, старик Щербаков, сидел на прежнем месте у машинного люка, окруженный кучкой матросов.

И его монотонный голос, торжественный и умиленный, громко и отчетливо читал под раскаты грома:

- "В день же тот исшел Иисус из дому, седаше при море. И собращася к нему народи мнози, якоже ему в корабль влезти и сести. И весь народ на бреге стояша..."

У самого трапа, держась за него руками, стоял Кириллов и чуть слышно всхлипывал.

- Кириллов, ты? - окликнул его Опольев.

- Я, ваше благородие!

- Что ты? Никак ревешь?

- Страшно, Лександра Иваныч, да и Щербаков жалостно читает.

- Стыдись... ведь ты матрос?

- Матрос, ваше благородие! - отвечал, стараясь глотать слезы, молодой матросик.

- То-то и есть! Ну полно, полно, брат... Никакой опасности нет! ласково проговорил мичман и, сам бледный и взволнованный, потрепал по плечу своего вестового и, держась за перила трапа, отдернул люк и вышел на палубу.

Цепляясь за пушки, пробрался он на ют, под мостик и, взглянув кругом, в первую минуту оцепенел от ужаса.

Корвет метался во все стороны, и волны свободно перекатывались через переднюю часть. Гром грохотал не переставая, и сверкала молния, прорезывая огненным зигзагом черные нависшие тучи и освещая беснующийся океан с его водяными горами и палубу корвета с вышибленными в нескольких местах бортами. Катера одного не было - его смыло. Казалось, шторм достиг своего апогея и трепал корвет, стараясь его уничтожить, но корвет не поддавался и вскакивал на волну и снова опускался, тяжело ударяясь и скрипя, словно бы от боли. Матросы толпились на шканцах и на юте, держась за протянутые леера*. По временам, при ослепительном блеске молнии, все молча крестились.

Капитан стоял у штурвала, рядом с шестью рулевыми, правившими рулем, и отрывисто указывал, как править. При свете фонаря видно было его истомленное, бледное и страшно серьезное лицо. Тут же стояли старший штурман Иван Иванович и старший офицер.

* Л е е р а - веревки, протягиваемые вдоль судна во время

сильной качки. - П р и м. а в т о р а.

В первые минуты молодого мичмана охватил жестокий страх, но потом страх постепенно сменился каким-то покорным оцепенением.

"Все равно, спасения нет в случае крушения!" - пронеслось у него в голове.

И он стоял, уцепившись за что-то, потрясенный и безмолвный.

- Господи помилуй! - раздался возле него голос сигнальщика. Смотрите, ваше благородие!

Но Опольев уже видел. Он видел при свете блеснувшей молнии, в недалеком расстоянии, силуэт погибающего судна, видел фигуры людей с простертыми руками и невольно зажмурил глаза.

Снова сверкнула молния и озарила океан. Судна уже не было.

Опольев перекрестился. Скорбный вздох нескольких человек вырвался около него.

- Потопли! - произнес чей-то голос.

.....

Молодой мичман стоял на палубе, смотря на бушующий шторм, час, другой... сколько именно - он не помнил.

Наконец буря, казалось, стала чуть-чуть утихать, и Опольев спустился вниз.

В палубе по-прежнему царил страх, и Щербаков читал евангелие.

Молодой человек бросился в койку. Он долго не мог заснуть, потрясенный только что виденным. Наконец тяжелый сон охватил его.

V

Когда он проснулся, яркий дневной свет стоял в каюте. Он приподнялся и с радостным изумлением почувствовал, что качка теперь совсем другая правильная и покойная. Он выглянул на палубу. Матросы весело разговаривали. Люки все были открыты, и в палубе не пахло скверным запахом.

- Кириллова послать! - крикнул он.

Явился Кириллов, веселый и радостный.

- Здорово, брат. Что, стихло?

- Стихло, ваше благородие!

- Ну, видишь, со штормом и справились! - говорил мичман.

- Точно так, ваше благородие.

В кают-компании было оживленно. Все были в сборе и говорили о шторме, о том, как лихо выдержал его "Сокол", отделавшись поломкой бортов да потерей катера. Но о погибшем вчера на глазах судне все почему-то избегали вспоминать.

- А штормяга изрядный был. Знатно трепало! - сказал старый штурман. И теперь еще свежо!.. Ну, да барометр подымается! - прибавил он и после своих двух стаканов разбавленного коньяком чая пошел наверх "ловить солнышко", то есть делать обсервации.

Хотя качало еще порядочно, но сегодня можно было напиться чаю по-человечески, и Опольев с аппетитом съел за чаем чуть ли не полкоробки английских печений, проголодавшись со вчерашнего дня, не забыв угостить и ласкавшуюся веселую Лайку и жирного кота Ваську.

Затем он пошел взглянуть на океан.

Океан, видимо, "отходил" и катил все еще большие свои волны далеко не с прежним бешенством, и корвет, под зарифленными марселями, фоком и гротом, несся теперь при свежем ровном ветре узлов по одиннадцати в час, легко убегая от попутной волны.

Плотники чинили проломленный в нескольких местах борт, мурлыкая вполголоса какую-то песенку.

VI

Дня через два, в девятом часу утра, Кириллов будил своего барина:

- Ваше благородие! Лександра Иваныч! Вставайте! К Мадере подходим!

После многих дерганий вестовой разбудил мичмана.

- Скоро на якорь становиться, ваше благородие! Погода - благодать! весело говорил вестовой.

Опольев быстро оделся и выбежал наверх.

Чуть-чуть попыхивая дымком из трубы, корвет подходил под парами к подернутому легкой туманной дымкой высокому острову. Успевший починить свои аварии после шторма "Сокол" сиял чистотой и блеском под лучами ослепительного солнца, медленно плывшего в голубой безоблачной высоте. И океан, еще недавно наводивший трепет, теперь ласковый и

спокойный, тихо шевелясь переливающейся зыбью, нежно лизал своей манящей, прозрачной синевой бока едва покачивающегося корвета.

1890